

УДК 165

Валентин Саченко

ОТ «НАРРАТИВА» К «ИСТОРИЧЕСКОМУ ОПЫТУ»: ПУТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Стаття присвячена аналізу історичного досвіду як умови можливості конструювання історичної реальності. У статті робиться висновок про те, що поняття «історичний досвід» в історичній епістемології розуміється як пошук нових шляхів виходу за межі текстуальності, оскільки досвід передує будь-якій історичній інтерпретації і є її основою.

Ключові слова: історичний досвід, реальність, нарратив.

Статья посвящена анализу исторического опыта как условия возможности конструирования исторической реальности. В статье делается вывод о том, что понятие «исторический опыт» в исторической эпистемологии понимается как поиск новых путей выхода за пределы текстуальности, поскольку опыт предшествует любой исторической интерпретации и является её основанием.

Ключевые слова: исторический опыт, реальность, нарратив.

This article analyzes the historical experience as a condition for the possibility of constructing historical reality. The article concludes that the concept of «historical experience» in historical epistemology is understood as the search for new ways of going beyond textuality, as experience is preceded by any historical interpretation, and it is the base.

Keywords: historical experience, reality, narrative.

Епістемологічний кризис, охопивший історіографію в 70-х роках минулого століття, коснувся фундаментальних основ історичної науки. Постмодернізм, затронув все ключеві поняття історії і базові принципи історіописання, поставив їх під сумнів, не пропонуючи взамен ніякої альтернативи. Застосовуючи до історичних творів методи літературної критики (Х.Уайт), оновленої завдяки ідеям психоаналізу, лінгвістики і семиотики, постмодерністи «заклучили в скобки» власне історичний метод роботи над джерелами і розглядали історичні тексти самі по собі, без зв'язу з тією реальністю, про яку текст нічого повідомляв. «Головний «постмодерністський виклик» історії був направлений проти її представлення об історичній реальності і, відповідно, об об'єкті історичного пізнання, які виступали в новому трактуванні

не як щось зовнішнє пізнаючому суб'єкту, а як те, що конструюється мовною і дискурсивною практикою» [8, с. 121]. Відповідно, історія порівнювалася з літературою, оскільки стиралася грань між ними, а історичним оповіданням.

Мета цієї статті полягає в аналізі історичного досвіду як умови можливості конструювання історичної реальності.

Ф. Анкерсміт, один з провідних постмодерністських істориків, зауважує, що «історія більше не являється реконструкцією того, що сталося з нами на різних етапах життя, вона стала продовжуються грою з пам'яттю про минуле... Пришло час, коли ми більше думаємо про майбутнє, ніж досліджуємо наше існування» [15]. Заявлення істориків про те, що вони працюють з архівними документами і їх дослідження ґрунтуються на історичних джерелах, постмодерністи пропонували вважати не більше, ніж риторичним прийомом, використовуваним для завоювання довіри читача. «Об'єктом атаки постмодерністів стали принципи отримання інформації об історичній реальності. Вони утверждали, що між трагічним подієм і розповіддю історика про це подія стоїть величезна дистанція, в ході подолання якої відбувається таке спотворення минулого, що об його адекватному відображенні взагалі не можна говорити. Історичний факт відображається в письмовому джерелі – нарративі, де він уже спотворений через різну ступінь свідомості автора тексту, його суб'єктивності і тенденційності, нарешті, через його наміреність лжати або щирої заблудженості. Чим далі відійде само подія від його відображення в нарративі (наприклад, в середньовічній більшості хронік відокремлено від описуваних в них подій на кілька десятків, а то і сотень років), тим вище ступінь спотворення даного відображення» [13, с.67].

Таким чином, в історії немає нічого, крім текстів, які не порівнювані з жодним зовнішнім контекстом. Історик створює суб'єктивні інтерпретації, конструюючи об'єкт свого дослідження, тобто історик не конструює знання минулого, а генерує «дискурс» про минуле. Мова виступає не засобом відображення і комунікації, а головним фактором, детермінуючим мислення дослідника. При цьому, постмодерністами «підкреслюється креативний, штучний характер історичного оповідання, вистраиваючого нерівномірно

сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд» [7, с.26].

«Язык, утверждает Ж. Деррида, предшествует бытию, конструирует его. Текстуальность завладевает онтологией. Экстралингвистическая реальность есть иллюзия, мир есть текст. Изучение литературы — это изучение интертекстуальности. Деррида трактует человеческую деятельность в целом как чтение безграничного текста мира, заостряя при этом проблемы дискурсивности, неопределенности значений... В постмодернистских теориях Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида и др. литература, культура, общество, история, сам человек рассматриваются как текст, составляющий «великий интертекст» культурной традиции» [5]. Культура, и собственно, история также представляют картину «универсума текстов», в котором отдельные безличные тексты до бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, поскольку все вместе они лишь являются частью «всеобщего текста» [16].

Действительно, в постмодернистской философии вся реальность мыслится как текст и дискурс. Поэтому понятия «нарратив», «текстуальность», «интертекстуальность» стали важнейшими понятиями, которые используются постмодернизмом для описания современной реальности. Если обратиться и к другим теоретикам постмодернизма – к Ж. Бодрийяру, Ж. Делёзу, то можно заметить, что в целом представления о реальности в постмодернизме совпадают. У Ж. Делёза и Ж. Бодрийяра основным понятием является понятие «симулякр» (видимость). Исходя из этого, реальность – это мир самоотносимых знаков, которые не имеют основания в реальности, кроме собственной.

Все это приводит теоретиков постмодернизма к убеждению, что наиболее адекватное постижение реальности недоступно гуманитарным наукам (в том числе и истории), поэтому естественным является обращение к литературе. Именно с этим связано «олитературивание» мира, то есть превращение литературы в модель для всех текстов, утверждение представления, будто только литературность любого дискурса делает возможным наделение смыслом мира и нашего его восприятия. Если мир поддается только литературно-художественному, поэтическому осмыслению, то никакой иной картины мира, кроме метафорической, оно не способно дать. Отсюда столь характерная для

постмодернистских построений утрата рациональности, строгости научной аргументации.

Таким образом, под влиянием постмодернизма понятие «нарратив» прочно вошло в историографию, и стало весьма распространенным. Так, Ф. Анкерсмит выдвигает проект «нарративной философии истории», которая, по его мнению, должна основываться на «новом историзме». «3. Исторические нарративы – это интерпретации прошлого... Нарративизм – современный наследник историзма (не пугать с историзмом К. Поппера). Оба признают, что сущностная задача историка есть интерпретация... 3.3. Исторические нарративы не являются проекциями (на прошлое) или отражением прошлого... нарративные интерпретации *обращаются* к прошлому, а не *корреспондируют* и не *соотносятся* с ним...» [1].

Действительно, под влиянием постмодернистов история все больше сближается с литературой. Как отмечает Р. Шартье, историки осознали тот факт, что их дискурс (исторический) все еще повествование, понимаемое в духе Аристотеля как «выявление интриги представляемых действий». И на их труды распространяются «фундаментальные принципы всякого повествования, общие и для истории, и для беллетристики» [14].

В этом смысле теория нарратива сокнулась с так называемым «лингвистическим поворотом» в исторической науке, то есть с мощной методологической критикой со стороны последователей постмодернистской философии, обратив внимание на обусловленность исторических исследований не только философскими и идеологическими убеждениями и предрассудками историков, но схемами рассказывания, законами языка, применяемого в повествовательных целях.

«В новейшем предисловии к своей знаменитой книге «Метаистория» (1973) Х. Уайт относит ее к «определенному, «структуралистскому» этапу развития западной гуманитарной мысли». Описывая нарративы крупнейших историков и философов истории XIX в., он работает на уровне не отдельных событий-эпизодов и даже не отдельных текстов, а на уровне целостного «историографического стиля» – то есть «постоянного вида использования языка, с помощью которого объект исследования преобразуется в предмет дискурса». В этом понятии «историографического стиля» есть два аспекта, которые выделил и противопоставил, оценивая

теорию Уайта, Поль Рикёр, – во-первых, общая теория исторического сюжетосложения (*emplotment*), во-вторых, теория тропов и других операциональных единиц исторического дискурса. Идея сюжетосложения в истории – действительно богатая и плодотворная, потому что уайтовский *emplotment* хоть и имеет линейную форму, но не обязательно совпадает с синтагматикой исторических событий, о которых рассказывает историк. Скорее это воображаемая траектория мысли самого историка, идеальная организация, которую он придает событиям, вводя их в иное, неисторическое и, однако же, повествовательное время» [4]. С точки зрения Х. Уайта основаниями для создания исторического нарратива выступает более глубинный уровень исторического мышления, который он определяет как «поэтический акт», конституирующий и направляющий поле исторического исследования. Х. Уайт выделяет четыре типа таких актов или префигураций: метафора, синекдоха, метонимия и ирония. Таким образом, исторический нарратив оказывается целиком замкнутым в области литературы.

С другой стороны, на связь между опытом и нарративом обращает внимание П. Рикёр. Как отмечает А. Борисенкова: «П. Рикер, с одной стороны, указывает на сходство социологического и исторического знания, заключающееся в применении «нереальной» нарративной конструкции, а с другой – ставит проблему повествовательного характера научного теоретизирования. При этом следует отметить, что нарратив в его рассуждениях остается важным связующим звеном между социальной и исторической науками и живым человеческим опытом, встроенным в повествование» [2, с.62]. Он также считает, что «нереальные конструкции должны оставаться составной частью исторической и социальной наук, даже если они не выходят за рамки сомнительной правдоподобности, ибо они одни предоставляют единственный способ избежать ретроспективной иллюзии фатальности» [9, с.218]. Следовательно, по мнению Рикёра, использование нарративных конструкций служит напоминанием о том, что историческая наука исследует проявления воли живых людей, чьи действия и зависящие от них события всегда имеют альтернативный исход. В другом случае события и действия становятся подобными событиям неживой природы, подчиняющимся законам.

Действительно, начиная с античности, память о прошлом, выраженная в исторических сочинениях, как правило, принимала форму повествования (рассказа). В современном гуманитарном знании нарратив определяется как «форма придания смысла описываемым событиям и явлениям». Исходя из этого, в истории нарративом следует считать любой научный текст. Задача историка состоит в том, чтобы сформировать представление о смысловом его наполнении.

Так, Й. Рюзенем была предложена типология исторических нарративов, в которой он, опираясь на собственное понимание нарратива и его роли в историческом познании, показывает возможности развития теории в современной историографии. Нарратив немецкий историк определяет как «систему ментальных операций, определяющих поле исторического сознания», а именно как «процесс придания смысла опыту времени» [11, с. 11]. В связи с этим основанием для создания исторического нарратива является «опыт прошлого», который задокументирован и сохранен в архивах и документах. Благодаря этим «архивам памяти» становится понятным настоящее, и возможным являются «ожидания будущего» [Там же].

Используя веберовскую теорию «идеальных типов» Й. Рюзен предлагает выделять четыре типа исторических нарративов. «Прежде всего, это тип, который он называет традиционалистским, призванным напоминать о происхождении, обязанностях и обязательствах (обосновывающим обязанности происхождением) и обеспечивать непрерывность их реализации. Во-вторых, это тип назидательный (образцовый, *exemplary type*), который призван подать прошлое в форме случаев, представляющих и воплощающих правила темпоральных изменений и человеческого поведения. В этом смысле прошлое должно предстать в виде набора некоторых постоянно повторяющихся уроков для настоящего. В-третьих, это тип критический, проблематизирующий посредством апелляции к прошлому наличные ценности и формы жизни. Ну и наконец, это тип генетический, представляющий собой осмысление опыта изменений во времени и, в частности, интеграцию чужого опыта в собственные структуры жизни» [12].

Эта типология может быть использована как методологический и эвристический инструмент для анализа современных исторических

исследований. В частности она позволяет выстроить некоторую логику развития исторического сознания, определить способы и пути его усложнения, а также установить степень их распространенности в культурах, в том числе и современной.

Обращаясь к понятию «нарратив» А. Про даёт описание хода исторического исследования. «Труд по истории создается, прежде всего, путем вычленения его объекта. Действительно, объектом истории может быть все: материальные предметы, общественные группы, институты, символы, техники, сельскохозяйственное или промышленное производство, формы обмена, территории, виды искусства и т. д... Вот, наконец, наука и техника, книги, газеты и журналы, тысячи разных форм искусства. Могу поклясться чем угодно, что нет такого сюжета, который не мог бы стать объектом истории. Тем не менее, историк не может заниматься историей всего сразу: он должен выбирать. Его выбор является отчасти произвольным, ибо все происходит в континууме истории, где нет ни абсолютного начала, ни абсолютного конца. Но выбор этот неизбежен, ведь иначе история просто растворяется. Именно это обособление и эта организация исторического текста вокруг того или иного вопроса, который его структурирует, и описываются, в первом приближении, понятием интриги, которое мы заимствовали у П. Вейна и Х. Уайта, хотя у них это понятие имеет несколько иной смысл» [6, с.252].

Понятие «интрига» также имеет литературные коннотации, однако его роль и значение в историческом исследовании имеет свою специфику. «Конструирование интриги есть основополагающий акт, с помощью которого историк вычленяет особый объект в бесконечной событийной канве истории. Но в этом выборе заключено гораздо большее: он участвует в создании фактов как таковых. Изолированный факт не существует. Именно в процессе изучения он изолируется и одновременно конструируется в качестве отдельного факта, рассматриваемого под особым углом зрения. Событие – не место, где можно побывать; оно представляет собой пересечение нескольких вероятных маршрутов, и поэтому к нему можно подходить с разных сторон, придавая ему всякий раз разное значение. Один и тот же факт, участвуя в создании разных интриг, имеет разную ценность, значимость и значение» [6, с.258].

Таким образом, значение интриги в историческом повествовании велико. Она определяет отбор фактов и их значение и конструирование. Обращаясь к пониманию интриги у Аристотеля, П. Рикёр отмечает, что под интригой следует понимать «некую операцию, т.е. речь должна идти скорее об «образовании интриги», чем об интриге. Это интригообразование в принципе складывается из отбора и упорядочения

повествуемых событий и действий, что превращает фавулу в «законченную и цельную» историю, имеющую начало, середину и конец» [10].

В связи с этим сам Рикёр выделяет «интелигибельность» как характерную черту интриги: «интелигибельный характер интриги может быть показан следующим образом: интрига – это совокупность сочетаний, посредством которых события преобразуются в историю, или соответственно история извлекается из событий. Интрига – посредник между событием и историей. Это означает, что все, что не входит в развитие какой-нибудь истории, не есть событие. Событие – не просто случившееся, произошедшее, но и повествовательный компонент. Еще более расширяя пространство интриги, скажу, что интрига – это интелигибельное единство, которое создает композицию обстоятельств, целей и средств, инициатив и невольных следствий. Из этого интелигибельного характера интриги вытекает, что умение проследить историю представляет собой весьма развитую форму понимания» [Там же].

Следовательно, нарратив является не просто описанием каких-то событий, но содержит аргументацию. Историк предлагает через нарратив «свое видение» событий прошлого, он подходит к ним избирательно. «Повествование содержит в себе как эллипсисы, так и, напротив, стоп-кадры и крупные планы. Таким образом, рассказ составлен из единиц, темп и масштаб которых неодинаковы. Он сочетает в себе фиксирование закономерностей, с одной стороны, и событийные эпизоды, всевозможные элементы доказательства, служащие для аргументации...» [6, с.260].

Следовательно, интрига позволяет понять, как в законченном историческом произведении соединяются различные элементы. Включая в себя возможность объяснения, интрига определяет тип истории, которую конструирует историк. Один и тот же вопрос, поставленный в совершенно разных фактологических рамках и построенный внешне аналогичным образом, может получить разный ответ у двух историков. Каждый из них конструирует свою собственную интригу и создает вполне оригинальную историю. Именно это сближает творчество историка и литератора. Однако в последующей деятельности творчество историка и литература расходятся.

Литературный текст остаётся в мире текстов, т.е. в мире вымысла. Историк соотносит свои повествования с прошлой реальностью, которая запечатлена в них. «История в этом смысле соединяет повествовательную связность и соответствие документам. Это сложное сочетание характеризует статус истории как интерпретации. Таким образом,

открывается путь позитивного исследования взаимопересечений способов референций вымысла и истории – асимметричных, но одинаково непрямых или опосредованных. Именно благодаря этому сложному взаимодействию между опосредованной референцией к прошлому и продуктивной референцией вымысла человеческий опыт в его глубоком временном измерении непрерывно переустраивается» [10].

Как отмечает польский историк К. Помян: «повествование, следовательно, имеет вид исторического, когда оно несет на себе отметины историчности, удостоверяющие намерение автора дать читателю возможность покинуть его текст и предусматривающие операции, позволяющие проверить сделанные ссылки либо воспроизвести те познавательные акты, итогом которых рассчитывают стать его утверждения» [цит по 6, с.273].

Таким образом, «отметины историчности» выполняют в историческом тексте особую функцию: они дают ссылки к представленным в тексте документам, позволяющим реконструировать прошлое, и тем самым выводят исторический нарратив за рамки текста к опыту прошлого. Собственно, эта особенность исторических исследований позволяет их отличать от любых других видов репрезентации прошлого.

Однако, несмотря на попытки новой интерпретации нарратива в историческом исследовании, всё же его использование создаёт представление о близости исторического и литературного творчества. Такое понимание деятельности историка, сближающее написание истории с литературным творчеством, может показаться отказом от её претензий на истинность и достоверность. Действительно, в настоящее время проблема объективности в исторической науке особенно остро обсуждается в связи с проблемой исторической реальности. Как найти в повествовательных приёмах такой путь, который ведет к «прямому доступу» к опыту? Возврат к эмпиричности является одной из самых основных задач современной историографии. В связи с этим в исторических исследованиях всё чаще упоминается понятие «исторический опыт».

Понятие исторического опыта встречается в лексиконе современных историков (Ф. Анкерсмит) довольно часто и обсуждается в тесной связи с такими понятиями как «историческая реальность» и «историческая истина». Как отмечает Г.И. Зверева: «В лексиконе новоевропейской философии истории, теории и истории историографии «исторический опыт» чаще всего используется в таких значениях как: 1) «опыт истории», - выражение связи прошлого, настоящего и будущего, определенный результат исторического процесса, призванный быть

изученным, использованным и превзойденным в обществе; 2) «опыт историка», - важнейшая процедура интеллектуальной работы, мыслительный процесс постижения прошлого, в котором устанавливается определенное отношение исследователя к своему предмету [3].

Именно второе значение понятия «исторический опыт» оказывается в центре современных дискуссий и касается различных проблем исторической эпистемологии, которые затрагивались ещё в модернистской концепции исторического знания. В ней предполагалось существование исторической реальности как внешнего самосознанию субъекта, а также способности историка реконструировать в своем тексте основные элементы этой реальности. При этом исторический метод, который им использовался, являлся надёжным и верифицируемым, поскольку опирался на исторические свидетельства и источники.

Однако постепенно в теории и истории тема исторического опыта стала критически осмысливаться в связи с обнаружением «непрозрачности» исторического источника, в котором запечатлены фрагменты внешней исторической реальности. Для историков постепенно стало очевидным, что исторический опыт имеет сложную структуру и свойства. Это связано с тем, что опыт не возникает у исследователя в связи с прямым эмпирическим наблюдением, но формируется опосредованно. Постигание исторической реальности, которое представлялось возможным либо как реконструкция на основе изучения источников (позитивизм), либо понимание на основе интуиции, воображения (историзм), в настоящее время интерпретируется на основе конструктивистского подхода. В настоящее время является трудным однозначно определить содержание и границы понятия «исторический опыт». Но вполне возможным, оказывается, показать основные тенденции построения новых эпистемологических оснований конструирования исторической реальности.

Й. Рюзен, размышляя о возможностях подобного конструктивизма полагает: «...Я думаю, мы должны признать на деле: существует лишь множество историй, а не единственная история (the history) как фактическое бытие. Но, тем не менее, – и это мое модернистское положение аргументации – нам нужна идея единства исторического опыта» [11, с. 25].

Основание для единства этого опыта Й. Рюзен видит в необходимости ведущей системы ценностей: «Я считаю, что существует фундаментальная ценность, которая должна быть внесена в стратегию исторической интерпретации, ценность, которая одновременно является

как универсальной, так и обосновывающей разнонаправленность и различие. Я думаю о нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре. Это принцип можно развить в познавательную структуру, которая усилит герменевтический элемент исторического метода, и эта структура позволит реализовать новый подход к историческому опыту, который синтезирует единство человечества и временное развитие, с одной стороны, и различие и многообразие культур – с другой» [11, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «исторический опыт» занимает важное место в формировании новых принципов и ориентиров в исторической эпистемологии. «Исторический опыт» понимается как поиск новых путей выхода за пределы текстуальности, поскольку опыт предшествует любой исторической интерпретации и является её пределами. Историческая реальность понимается как существующая на основе единства человеческого опыта, однако постижение этой реальности имеет субъективный характер. Историческая реальность конструируется историком в ходе исторического исследования, в котором связаны теоретические элементы и эмпирические обобщения. Множественность интерпретаций не препятствует объективности исторического исследования, а наоборот, служит её основанием, поскольку эти интерпретации основываются на взаимной критике и взаимном признании.

1. Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/study/phh/ph_hist_anker_narr.htm
2. Борисенкова А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания [Рецензия] / А. Борисенкова // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 55–63.
3. Зверева Г.И. Понятие “исторический опыт” в “новой философии истории” / Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М.: Ист. ф-т МГУ, 1999. – С. 104-117.
4. Зенкин С. Критика нарративного разума// НЛО. – 2003. – № 59. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.htm>
5. Мунтян А. А. О.П. Власова. Текст и нарратив как проблема постмодернистской теории // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Том 24(63) №1. Часть 1 2011. – С. 141 – 145.
6. Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. – М., 2000. – С. 334.
7. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. – М., 1996. – С.25-38.

8. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. —560с.
9. Рикёр. П. Время и рассказ. Т. 2 : пер. с франц. / П. Рикёр. М ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 218с.
10. Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/tricoeur.htm>
11. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории //Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2001. – Вып. 7.– С. 8-27.
12. Сыров В.Н. Поворот к проблеме культурной ценности исторического знания: опыт одного анализа. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://http://xn—90agtffjot8f.xn—p1ai/index.php/mneniya/164-povorot-k-probleme-kulturnoj-tsennosti-istoricheskogo-znaniya>
13. Филюшкин А.И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. – Минск: Пропилеи, 2000. – № 3.– С. 67-78.
14. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения// Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. – М., 1995. – С.194-195.
15. Ankersmit F. Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. 28. N.2. – P.149-152.
16. Derrida J. and the Humanities: A critical reader. – Cambridge University Press, 2001. – 327 p.